

тесно связанные с другой больницей, резко выступают против этого. Нужно считаться с тем, что понятие личной ответственности все в большей мере оказывается на переднем плане. Но несмотря на это ситуация для отдельных людей не становится проще. Каждый из нас принимает решение в некоем окружающем его поле, которое становится все более и более турбулентным. По мысли Г. Хакена, достойное человека самоорганизующееся общество может продолжительно существовать только тогда, когда каждый поступает так, как если бы он в рамках своей собственной деятельности был ответственен за целое [7, с. 21].

Выводы. На основании проведенного анализа, стало возможным сделать определенные обобщения и выводы:

- Социальное пространство самоорганизации заключено в том, что социальная самоорганизация как процесс основана на деятельности по гармонизации общественных отношений.

- Самоорганизация в обществе возможна только благодаря сконструированному концепту – определенному социальному пространству.

- Самоорганизация постигается: на феноменологическом уровне; как трансцендентное состояние общества; экзистенциальное ” проживание ” как субъективное или смысловое. При этом, видимо существуют определенные ” экзистенциалы ” - опорные феномены - ” точки ”, по которым и возможно судить о процессе взаимодействия как взаимосодействия.

- «Внутреннюю» самоорганизацию общества постичь в полной мере невозможно, поэтому важно выявление «Конвенциональных смыслов», «Смыслового поля конвенции».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем / В кн.: П. К. Анохин. Очерки по физиологии функциональных систем. - М.: « Наука », 1975.- с. 17-62.
2. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки /В. И. Аршинов.- М., 1999.
3. Тишин А.И. Структура общения / А.И. Тишин. - Бишкек, 1995. - С.176.
4. Культурология. XX век. Словарь. - Санкт-Петербург : Университетская книга, 1997- 640 с.
5. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс [Пер. с англ. Л.А. Седова и А. Д. Ковалева] / Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект Пресс, 1998. - 270 с.
6. Тузов В. В. Самоорганизация социальной системы (Социально-философский анализ) Тузов Виктор Васильевич: Дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. - Санкт-Петербург, 2004. - 318 с.
7. Хакен Г. Самоорганизующееся общество / В кн.: Г. Хакен. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии: [Пер. с немец. Е. Н. Князевой]. - Москва-Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2003.

Дмитриева Маргарита Степановна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ В РАКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И СОЦИОЛОГИИ

По материалам пленарного доклада
на II Международной научной
конференции «Методология и технология
современного философского познания»,
посвященной памяти доктора философских
наук, профессора Анатолия Ивановича
Кавалерова

Базовые понятия: социальный институт, научное сообщество, институционализм, социальные эстафеты, социальная философия, социология

Исследуя процессы институализации в области научной (и, кажется, учебной – тоже) деятельности, хотелось бы еще раз обратиться к понятийному аппарату социологии и социальной философии и их предметному полю.

Институциональное развитие науки существует как «смена социальных форм, в которых осуществляется коллективная деятельность ученых по производству нового знания, его распространению и применению в обществе, а также подготовке молодого поколения учёных» [1, с. 282]. Это развитие начиналось от античных философско-научных школ (пифагорейцы, школы Платона, Аристотеля и др.) Здесь получили начало и оформились дисциплинарно многие науки.

По окончании периода средневековья, с угасанием монастырской замкнутости в европейских странах начинают появляться на добровольных началах объединения ученых, любознательных мастеровых и ремесленников, обращающихся к обсуждению научных вопросов. Так рождалась наука в виде нового явления в жизни человечества.

Первым осознал науку Френсис Бэкон, увидевший её роль и место в обществе в развитии производства и в остальных сферах общественной жизни. Он пытался выявить этапы работы, разделение функций, общее планирование и использование результатов, обращение к опытам и эксперименту. Очень точно охарактеризовал роль Бэкона в той ситуации В. Ф. Асмус.

«Взгляд на науку мог быть развит, – писал Валентин Фердинандович, только человеком, который способен был окинуть проницательным взглядом все главнейшие сферы производства и торговли, механики и техники, науки и философии и который понимал, как в их развитии отражаются запросы и требования практической жизни» [2, с. 361]. Его понятия о науке и организация научного труда в современном ему обществе в форме утопии о стране «Новая Атлантида».

В массе кружков, традиционно называющих себя «академиями», объединялись усилия одаренных инженеров, скульпторов, мастеровых, моряков, художников и испытателей природы, покорением которой они хотели обеспечить благополучие человечества. Многие объединения имели поддержку монархов или крупных владельцев в больших городах. Популярности знаний у людей способствовали встречи и заседания, обсуждения научных тем, беседы в литературных кофейнях. Расширялся круг любителей науки, коллекционеров, укреплялись международные связи, объединения.

Власти европейских государств влияли на развитие самостоятельных объединений. Так, благодаря усилиям кардинала Ришелье, Парижское частное общество получило название *Academia Francaise*, затем было названо национальным учреждением, а Соединенная Парижская Академия под названием *Institut de France* возникла как государственное учреждение с соответствующими рекомендациями и со всей субординацией атрибутики внутренней жизни, (прежде всего - с правительственными привилегиями и финансовой помощью), сочетая черты элитарного творческого объединения энциклопедических ученых и общества сторонников прикладных наук и ремёсел.

По образцу его впоследствии создаются академии остальных европейских государств. Они поддержкой государственной власти и государственным финансированием в Мадриде, Лиссабоне, Стокгольме, Санкт-Петербурге содействовали формированию их как национальных, центральных институтов.

Одной из групп кружков молодёжи, интересовавшейся вопросами медицины, физики, математики, натуральной истории, усилиями папы Клементя X. и поддержкой сената Болоньи был выстроен великолепный дворец с множеством залов, лабораторий, кабинетов, библиотекой и музеем. Восхищенные современники именовали комплекс «сновидением Бэкона, превращенным в явь». Он был назван *INSTITUTIO* (лат.- учреждение). Так родился привычный для нас сейчас термин. Сегодня это название специализированного учебного заведения и научно-исследовательского учреждения.

Таким образом первый этап истории мировой академической науки обозначился как рождение социального института. При этом принято выделять разновидности – точнее стадии развития институтов науки: любительскую науку, академическую науку, науку университетскую и науку, связанную с промышленностью, с государственными программами, военными заказами, стратегическими проектами и научными исследованиями» [3, с. 183].

За это время произошли существенные изменения в социальном организме:

- определилась новая сфера относительно независимой человеческой деятельности по «производству, получению, хранению, передаче знания»;
- свершилось выделение интеллектуального труда, не оттеснив при этом традиционного разделения труда на умственный и физический;
- был выделен статус ученого-исследователя в обществе, отчасти регламентированы и упорядочены обязанности, формы контроля и материального обеспечения их исследовательской деятельности, учебных занятий, лабораторных работ, консультирования и издательства за счет государственного обеспечения.

К концу XIX века любительская научная деятельность повсюду в обществе сменяется иного

рода познавательными побуждениями, складываются группы, организующие экспериментальные мастерские, опытные лаборатории, усложняется инструментарий, требуется финансовая поддержка. Возникающие объединения – это уже объединения нового типа: академии, университеты, имеющие отношения с промышленными предприятиями, заказчиками военных ведомств, производственных программ. Это требует совершенствования технологий, спланированных объединенных усилий работников, роста их квалификации. А еще требуется управление всеми процессами в каждом таком социальном институте с его производством знания.

Со временем в странах с высокоразвитой наукой чрезвычайно широко распространяется практика привлечения крупными компаниями европейских стран и США известнейших и одаренных ученых других стран для участия в работе создаваемых центров исследований и для разработки высочайшей технологии самых различных видов производства, для налаживания тончайших высокооснащенных междисциплинарных и трансдисциплинарных нововведений в производстве. **Много внимания уделяется высокой профессионализации и узкой специализации молодых кадров.**

Российская печать сообщила о жизни легендарного Института Санта-Фе (SFI) и группы именитых американских ученых, самых квалифицированных специалистов из Лос-Аламосской лаборатории (центра ядерного производства (США)). [4, с. 21]. Более 40 лет Институт Санта-Фе развивает междисциплинарный подход к изучению принципов эволюции сложных систем – биологических, социальных, экономических и т. п.

Стратегическое управление здесь осуществляют совет попечителей, международный научный совет и ученый совет (состав попечителей – формальные владельцы института, крупнейшие бизнесмены, знаменитые ученые). Для работы приглашаются с полным пансионом на три года нужные профессионалы и способные молодые специалисты для обучения кадров. Лабораторий нет. Эксперименты поручено проводить подсобным университетам.

Институт Санта-Фе называют Институтом сложности. Его специалисты объявляют каждый своё направление «главным течением» и возглавляют его как соответственный институт. Это уникальное по самоорганизации научное учреждение в западном мире. Создан он с целью развития междисциплинарного подхода к изучению принципов эволюции сложных систем. Руководит работой группа выдающихся учёных во главе с лауреатом нобелевской премии Мюрреем Гелл-Манном.

В украинской и русской науке переход на междисциплинарное исследование начался ещё со времён Д. И. Менделеева и В. И. Вернадского. Вернадский, несомненно, был одним из крупнейших организаторов науки новейшего времени. В нём естествоиспытатель, историк науки, мыслитель сливался с организатором исследовательской работы. Он создал более 20 научных учреждений, многие из которых в настоящее время стали уже исследовательскими центрами мирового значения. Это – Комиссия по изучению производительных сил России, Академия наук Украины, Радиевый институт, институты и Комиссии, сегодня существующие уже как Институт Мерзлотоведения и Институт истории естествознания и техники.

В. И. Вернадским положено начало научно-теоретическому исследованию вопросов организации науки. Он, пожалуй, был первым теоретиком в этой области научной деятельности, первым обратил внимание на непосредственную зависимость уровня развития науки и от характера её организации. К вопросам организации науки и её совершенствования он подходил не только как к практическим задачам, а как к сложным научным проблемам. «Высшая школа, – утверждал Вернадский, – может почитаться высшей школой только тогда, когда она является независимым центром научной мысли нации.» [5, с. 9]

Стремительные изменения всей сферы общественной жизни обратили наше общество в информационное общество – «общество знания». Мы вправе сказать: «Тремя факторами «информационного общества» являются: тотальная власть СМИ – «четвёртая власть»; существование науки исключительно в форме социального института и мысли вместе с активностью всего населения для превращения коллективные формы производства знания «смерть автора»» [6, с. 7]. Эти факторы выделены академиком И. Т. Карсавиным как ведущие, общесистемные свойства, неразделимо целостно влияющие на ход дальнейших процессов и требующие привлечения философской, научной и технологической мысли для превращения всех трансформаций, осуществляющихся ныне в обществе, в направленный, осознанный процесс его самоорганизации.

Уже к концу XIX в. представители теоретической мысли наиболее развитых стран (Франция, США) ученые-экономисты сформировали теорию под названием «Институционализм», которую составили крупнейшие экономисты того времени Гальтон, Митчелл, Веблен и др. Представители этого движения экономической мысли стремились вывести общество из кризиса, расценивали

институционализм как важнейшую веху в развитии общества, хотели придать ему практическую направленность. Ими высказывалась мысль, что институционализм – сознательное движение, а не стихийное, но проводить его следует формально: все институции организуются автоматически – объявляются по западному образцу и становятся классическими.

Ведущий экономист и социолог критического направления западной политэкономии Веблен Терстейн был самым признанным основоположником институционализма, он сформулировал впервые основные положения учения и написал известнейшую из экономических работ того времени «Теория праздного класса. Институциональная экономика» [7, с. 1984]. Он часто менял свои взгляды, излагал оппозиционные мысли, впадал в опалу, одно время даже увлекался учением Маркса. Он противопоставлял индустрию и бизнес, производство и предпринимательство, призывая передать руководство хозяйством производственно-технической интеллигенции.

В XX в. формы институционализма потеряли популярность в обществе ведущей силы социальных отношений, отрицали оформление коллективных субъектов деятельности в институциях, сохраняя видимость сплочения и согласия.

О разрывании в XX в. новейшего институционализма в ряде стран мы узнаем из публикаций Фролова Д. [8, с. 123-13]. Он утверждает, что институты объединились в «Методологическом институционализме». Это относительно новое направление философии науки, что декларировано принятым участниками названием и характером научно-идеологических институций с провозглашением объединяющей силы единых методологических принципов и установок для акционерных обществ и индивидуальных членов. Возникло оно в рамках институциональной экономической теории и предлагается сегодня в качестве концептуальной основы перехода к любым эволюционирующим научным теориям или как их называет Д., Фролов «сферам производства гуманитарного научного знания». Методологический институционализм отказывается от классического естествознания и от неоклассической экономической теории (economics), в которых субъект познания признавался лишь наблюдателем.

Субъектом познавательных процессов в научной сфере выступают научные сообщества, но реально действуют при этом конкретные ученые и их группы. Все научное сообщество делится на ассоциации.

Большую роль в развитии всего направления играют конкурентные отношения ассоциаций, раздробленность их методологических позиций. Фролов вынужден заметить, что силу имеет авторитет руководителей, что конкурируют при приеме тем к исследованию не сами проблемы, а вступают в силу различные, активно принимаемые соглашения, негласные договоры. К своим принципиальным установкам привлекаются стереотипы и традиции, уже устоявшиеся ценности и авторитеты оформившихся институтов, отчетливо предпочитающих следование прагматическим интересам, вступающих в негласные союзы, наработывающих союзников и приверженцев вместе с авторитетом институционализированных контактов и связей.

Принцип ведущей идеи – сплоченность членов индивидуальных и ассоциированных на основе разработки, обновления и усовершенствования. В методологии методологического институционализма включаются положения современного конвенционализма с целью приукрасить свою политику соглашения, давно переросшую в соглашательство, порождающую клановость и конформизм. В таких условиях общество научно-исследовательских институций не спасается от неминуемого кризиса.

Нам осталось проследить, как откликнулись на движение активного самоорганизаторства в сфере научно-исследовательской среды самые её преданные исследователи Томас Кун и М. А. Розов. Обращение к их трудам, светлой памяти работам, оставленным тем и другим талантливым мыслителем заслуживает внимания. Их творческий самозабвенный путь поисков можно в равной степени обозначить через слова Томаса Куна о цели своей работы. Он сказал, что стремился «создать совершенно иную концепцию науки, чтобы добиться изменения в восприятии и оценке хорошо известных всем фактов.» [9, 11]. Подобные мысли свойственны и Розову.

Недавно ушедший из жизни известный русский философ Михаил Александрович Розов вырастил целую школу, разработал Теорию социальных эстафет [10, 2006]. Ему «удалось создать (далее мы цитируем статью его коллег и друзей), предлагая оригинальную трактовку обширного класса социальных явлений, построить некоторую социальную онтологию. С точки зрения его теории социальных эстафет социальные структуры, традиции, учреждения представляют собой куматоиды, подобно волне, они движутся из прошлого в будущее, сохраняя свою форму, пропуская через себя сменяющие друг друга поколения.»

Волна бежит по поверхности воды, захватывает всё новые частицы, содержание волн, так

сказать, всё время меняется, но сохраняется форма, структура. Кажется так Розов представлял себе движение человеческого общества сквозь время: «человеческие «частицы» меняются, но общество в целом сохраняет свою структуру. [11, с. 197]. Содержание куматоида - это исследовательские программы, т. е. опыт прежних поколений. Этот опыт принимает и развивает далее каждое следующее поколение. Таков механизм социальных эстафет.

Не менее ценен ещё один фрагмент наследия М. А. Розова. Статья его «Мотивы научного творчества и явление социальной мимикрии», переданная им последней в редакцию, содержит раздел под названием «Наука как сообщество и как социальный институт». Вот почему здесь нельзя не привести эту метафорическую модель. В ходе проводимого анализа он находит возможным сформулировать вывод о возможности считать науку вовсе не деятельностью, а скорее «средой», в которой эта деятельность реализуется [12, с. 44].

Теория социальных эстафет М. А. Розова дает нам возможность буквально ощутить образность предметов, взятых из социального мира, независимо от того, существуют ли они реально и были ли они представлены нам в опыте прошлого. В его статье «Проблемы объекта познания», напечатанной посмертно, это изложено кратко. «В основе жизни социума, - пишет М. А. Розов, - лежат постоянно воспроизводимые социальные явления, которые я называю социальными куматоидами: они напоминают движение воли по поверхности водоема. Это особый класс волноподобных явлений типа язык и речь, отдельный знак, наука, литературное произведение, Московский университет и проч. Они подобны волне, бегущей по поверхности воды, захватывающей все новые частицы, которые все время сменяют друг друга, но не меняют формы самой волны и ее движения, оставляя их прежними». [13, с. 200-209] Социальные куматоиды, по признанию самого М. Розова, позволяют нам прежде всего «осуществить некоторый единый подход ко всем социальным явлениям».

Закладывая основания социологического мышления, Розов опирался на фундаментально разрабатываемое им понятие деятельности, причем выводы, рефлекслируемые им над научно-исследовательской деятельностью, он уверенно обобщал на деятельность вообще. Раздел об объекте Михаил Александрович начинает словами: «Итак, я выдвигаю следующий тезис: мы познаем не мир сам по себе и не мир в нашей деятельности, объектом познания является сама деятельность с миром [14, с. 214]. Он находит этот вывод достаточно радикальным и подтверждает фактами и теоретическими соображениями, рассмотрением вытекаемых следствий и анализом порождаемых проблем.

Необходимо учесть, что последние два десятилетия проблематика деятельности и деятельностного подхода в нашей, да и в зарубежной философской литературе, утратила былую популярность. Последнее широкое обсуждение исследований этого, некогда весьма расхожего подхода отечественной философии (2001г.) начинался докладом академика В. А. Лекторского с заглавием «Деятельностный подход: смерть или выздоровление?», который вызвал противоположные отзывы, как и сам подход. К тому же, старшее поколение современных философов помнит реплики о том, что «психологическая теория деятельности является отходом от марксизма.»

Докладчик же доказывал, что деятельностный подход «обладает интересными перспективами в современных условиях, как и конкретные теории в философии, методологии, психологии, которые могут и должны развиваться, трансформироваться, по-новому интерпретироваться...» [15, с. 57.]

М. Розовым осуществлена прежде всего именно такого рода интерпретация: сама наука, тело ее – это и есть знание, наращиваемое поколениями исследователей, неотделимое от самой меняющейся в ходе истории науки. Он выделяет три уровня накапливающегося в науке знания. Во-первых, научная информация бывает представлена непосредственными образцами исследовательской работы. Во-вторых, - вербализованными образцами, где социальная эстафета передается через описание конкретных проделанных фактов. И в-третьих, знание передается «на уровне общих правил», т. е. в форме теоретических положений о закономерностях новых исследовательских программ». [15, с. 45] Далее рассуждения автора теории социальных эстафет разворачиваются следующим образом: в совокупности с заменяющими друг друга поколениями исследователей знания разных уровней науки образуют исследовательские программы, на которые ориентируется деятельность учёных в последующих исследованиях.

Это - смелый ход ученого-мыслителя к новым горизонтам контакта философской мысли с новым мышлением. Следует учесть инноваторство подобной позиции М. А. Розова с его выходом на деятельностный субъект познания с его активным владением междисциплинарного исследования сложных и сверхсложных объектов. Тот факт, что выход Розова осуществлен буквально одновременно с идеей деятельностной среды субъекта и с последними исследованиями российского психолога

В. Е. Лепского. о рефлексивных средах и об интересубъективной сборке сложного саморазвивающегося субъекта [16, с. 64], можно сегодня расценивать как массовый выход постнеклассического знания на методологию междисциплинарного исследования системно-синергетической парадигмы.

К рассмотрению институционализма и своей трактовки социального института М. Розов обратился, можно сказать, несколько неожиданно для себя. Он разрабатывал интереснейшую проблему мимикрии как вида маскировки, распространенной в мире социума, по его мнению, не меньше, чем в мире животных и растений. Социальная мимикрия, как он отмечал, имеет совсем другую природу.

Главное, что увидел Розов, объяснял, что мимикрия порождается не научными поисками, а деятельностью, которую они производят постоянно, при любых своих действиях для того, чтобы соблюдать порядок, усвоенный в тех или иных обстоятельствах, заимствуя у прежних поколений: и традиционные условия, и уже приспособленные приборы и инструменты, и сами действия и усилия, обращения друг к другу. Эта деятельность – по организации общения и достижения общих результатов, намеченных полезных – должна иметь соблюдаемые правила, определенные требования по отношению друг к другу. Эту деятельность уже называли социальным институтом. Но Розов показал, что учрежден он, этот лад, это тоже набор программ, только программ профессиональных и организационных.

Вывод Розова: научная деятельность напрямую не воздействует на организационные отклонения в виде мимикрии. Но всякая деятельность сопровождается социальным институтом. Само научное сообщество Розов называет социальным институтом уже за его бытийность частью его, этого целого – социального. Правда, то, что социальный институт он считает возможным называть опять-же куматоидом, ясности в ситуацию пока не вносит. Ведь выход на междисциплинарное исследование объекта осуществляется несколько иначе [там же]. Ведь подобная «предикативность» НЕ ДЕЛАЕТ ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩИМ для социологии и социальной философии. Ну, социо-, социальный-, социолог-..а само слово-то, по отзыву одних специалистов, «выступает скорее в качестве концепта» [там же, с. 137], а по отзывам других специалистов «мы не знаем точно ни что такое общество, ни что такое социальное» [там же, с. 31].

Ну вот, стоило обратиться к понятийному аппарату, как сразу. «Незаменимое слово наук о поведении, в частности, социологии и этологии. А ведь несомненная полидисциплинарность в лексике далека от их пограничья. Причём атрибутивностью такого рода (социо-, социальность-) , но авторитетно сказано: «в самих этих науках оно выступает скорее в качестве концепта [137] и хуже того: «Мы не знаем точно, ни что такое общество, ни что такое социальное» [31]. Но ведь к данной выработке междисциплинарного понятия социальная философия ещё не приступала, а деятельность, - подчеркивает Розов, - социально запрограммирована.» Научная деятельность – это интенционал Розова: он подчеркивает, что научная деятельность невозможна без знания, т. е. без тех познавательных программ, как они именуется в теории социальных эстафет. Наука, следует вывод Розова, - это и есть социальный куматоид. Но внимательный анализ рассуждений М. Розова позволяет вскрыть глубокий смысл его модели: каждый куматоид науки (рассматривая в целом, или отдельная ветвь ее) содержит набор соответствующих исследовательских программ по производству отдельного предмета знания о мире. Причём знаний на том общем уровне, какой достигнут наукой человечества на данный момент.

Но сам факт, что исследователь включен в институциональное сообщество и в то же время он оказывается участником той деятельности, которую осуществляет избранный им (скажем, по месту жительства, национальной принадлежности и проч.) данный конкретный куматоид в форме уже отработанных приемов в организации, т. е. самоупорядочению. Скажем иначе: в той деятельности, которая сформировалась и традиционно передается по ходу развития этого социального института с момента его учреждения до настоящего времени все учредительные приемы и действия, происходящие в рамках данного социального института - Национальной Академии Наук Украины или Института Санта-Фе, к примеру, традиционно отражают свойства общества, в котором они возникли и развиваются вместе со свойствами этого, целого, его породившего, усваивают их, социализируются под них, отражают интересы и предпочтения его членов. сохраняют сложившиеся в нем привычки, традиции, накопленный опыт.

М. Розовым найдена для выражения этой связи программ и исследовательских и организационных, параллельно формирующих весь комплекс деятельных усилий людей, действующих в рамках каждого отдельного куматоида, подходящая мысль Гейзенберга: «Мы привязаны к движению нашей истории, наша жизнь есть частица этого движения» [12, с. 44].

Я отодвигаю на время изложение своей статьи о Розове и позволяю себе сделать тот вывод, какой намечался: выясняю вопрос о соотношении на сегодняшний день двух областей знания -

СОЦІАЛЬНОЇ ФІЛОСОФІЇ І СОЦІОЛОГІЇ.

Начну с того, що полвека назад я возражала всем (даже М. А. Розову), уверяя в правоте его слов, будто он сам считал важнейшей свою мысль о коллективности научного сообщества и главный вклад сделал в теоретические основы социальной философии. Но вот посмотрите: Розов пишет: необходимость пристального и прежде всего сравнительного изучения соответствующих сообществ в других областях... Ну, кто ещё сегодня, кроме него обрисует столь объёмно весь охват организационных областей любого социального института или намечаемого, планируемого ещё только экономические или лишь психологические проблемы. Именно по всему фронту социологических проблем, и именно в ходе сравнительного анализа освящается поле социологии и название этой науки не вздумайте менять! Она в смысловом ряду – биология, экология – вполне уместна (считаю возможным заметить, что не всегда удачно выбираются, хотя и «глагольные» - чаще выразительнее: не сложные а сложенные, собранные познающим субъектов. Но вот понятие «социальная философия» явно недотягивает до категориального уровня: социальная философия - это раздел философии, определенным образом описывающий качественное своеобразие общества, его законы, социальные идеалы, генезис и развитие, судьбы и перспективы, логику социальных процессов.[1 ,969.]

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Энциклопедия философии и эпистемологии. - М. Канон , 2009. С.183.
2. В. Ф. Асмус. Френсис Бэкон «Избранные труды. В. Ф. Асмус.» Изд. Московского университета, 1969, т. I, С.361-374.
3. Ф. П. Филатов «Институциональное развитие науки.» // Энциклопедия эпистемологии и философии науки,- М., Канон, 2009, С. 182-184.
4. Курдюмов В. С. Чернавский Д. С. «Что такое Санта-Фе и нужен ли в России аналогичный институт.» // Что такое синергетика? С.12.
5. Вернадский В. И. «О науке» С.-Пб. И ИРХГИ 2002. С.9.
6. Касавин И. Т. «Источник знания: testimonial knowlegde» // Эпистемология и Философия науки, 2013, №1. С.7.
7. Розов М. А. «Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии.» Смоленск 2006.
1. Веблен Торстен «Теория праздного класса; Институциональная экономика », М., 1984. С. 201.
9. Д. П. Фролов «Методологический институционализм - новый подход в философии. // Эпистемология и Философия науки. 2009, №1, С. 123-135.
10. Томас Кун Структура научных революций. – М. 1975.
11. М. А. Розов «Мотивы творчества и явления социальной мимикрии». Э и ФН 2009 №1 С. 31-52.
12. Н. И. Кузнецова, А.Л. Никифоров. Предисловие к публикации статьи М. А. Розова «Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет». Эпистемология и Философия науки. 2001, №3 С.193-200.
13. Розов М. А. « Мотивы творчества и явления социальной мимикрии» / Э и ФН 2009, №1, с. 31-52
14. Розов М. А. «Проблема объекта познания в контексте теории социальных эстафет» Эпистемология и философия науки. 2011, № 3 С. 200-223.
15. В. А. Лекторский Деятельностный подход: смерть или возрождение ? // «Вопросы философии», 2001, № 2, С. 56-66.
16. Лепский В. Е. Рефлексивно-активные среды инновационного развития.// М. Изд. К-центр, 2010, с. 64.
17. И. А. Шмерлине «Социальность и проблема смысла: к выработке междисциплинарного понятия.// Эпистемология и Философия науки. 2009, №3, С. 13-151
18. А. О. Бороноев, П. И. Смирнов «О понятии «общество» и «социальное» // Социологические исследования». 2003, №8, С*. 3-11

Кавалеров Анатолий Анатолиевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К .Д. Ушинского»